

Родился в 1963 году в Красноярске. Окончил истфак МГУ (1986). Пишет стихи, прозу, эссе. Публиковался в журналах «Звезда», «Знамя», «Русская провинция», «Зинзивер», «Новая Польша» и др. Переводит итальянскую поэзию XX века (Дж. Унгаретти, К. Ребора, С. Квазимодо, А. Поцци). В 2012 году стал призёром (6-е место) итальянского поэтического конкурса «Премия Альбероандронико». В настоящее время работает над книгой о Неаполе и над переводами литературы неаполитанского барокко. Живёт в Подмоскowie.

ЖИТЬ ДОЛГО

*«В России надо жить долго»
(странный, но характерный афоризм)*

Давай будем жить долго-долго,
пока нам во сне не приснится,
что земли раскрывается лоно —
принять нас, как яровую пшеницу,
чьи зёрна, налитые солнцем,
согревают ладони.
И чего только ещё не придётся
увидеть на нашем веку...
Увидим, как враги — или, может быть, братья —
разграбят нами построенный дом,
и снова начнём
помаленьку его обживать.
Увидим, как первая яблоня, выросшая на пепелище
сада былого, как встарь, принесёт
корзины антоновских яблок — сочных до слёз.
И со слезами
обнимем невестку, что вернётся с чужой стороны,
нашего внука ведя за собою.
И нам ещё времени хватит
ему показать леса, и луга, и холмы,
по имени всё называя:
вот — медуница,
это — мать-мачеха,
а там — в небо взгляни —

под солнцем летящая точка:
жаворонок. Слышишь: далёко звенит
хрустальный его колокольчик.
И удивительно будет смотреть,
как в ребёнке, рождённом в изгнание,
затеплится, словно свеча восковая,
память родства
с цветами, ручьями, ветрами.
И розово-сизая туча, на мальчика глазом кося,
будто пригожая ласковая корова,
над полем июньским прольет
полное вымя дождя.
И земля, первый шаг узнавая
хозяина родового наследства,
отзовётся таким урожаем,
каких не слышали
в годы нашего детства...

И острее, чем в детстве,
будет воздух прозрачен
предвечерней порой уходящего века,
и далёко видны по равнинам пути.
Грудь задышит со свежеею силой.
Дни, ускоряя свой бег,
новых потребуют сил.
Мы многое сможем.
Только сыновней могилы
нам не удастся найти
в стране безымянных могил.

(Декабрь 2010)

УХОД ЛЕЙТЕНАНТА

Полгода на эти «химии»
он ездил как на работу,
просто для очистки совести —
сделал, мол, что положено.
Обратно — вываливался из маршрутки.
Спасибо вам, люди! —
кто-то из мужиков затаскивал его на четвёртый этаж.
Сколько ещё осталось?.. Скорей бы...

Завидев его, сынок
 радостно погремушкой стучит по манежику.
 В кресло упал:
 — Люба! Блин, где тебя носит?
 Разрезать, что ли, эти ботинки хреновы...

Но вот уже, кажется, близко.
 Прислали официальный пакет:
 «Уволен из вооружённых сил...»
 Первая группа — но почему-то «в запас»...

— Лёша, а это не отразится
 на пенсии по потере кормильца?

— Поживёшь — узнаешь...
 Лично я у них ничего выяснять не намерен.

Пятые сутки Люба колет морфин.
 Скоро.
 С утра, как у мёртвого, глаза провалились.
 Люба у телефона:

— Скажите, а будет салют?
 ...Нет, не при исполнении.
 Но я почему-то считала...
 Простите...
 Да, конечно, мы отпеваем,
 всё как положено.

— Уточните: отец Вассиан? Из Казанской?
 От нас будет тоже
 майор Карасёв из второго отдела.
 Вам вручат медаль «За отличную службу».
 Сыну останется память.

— Спасибо...

Полдень.
 Священник, вызванный для причащения,
 читает: «Исповедуюсь аз, многогрешный...»,
 про себя размышляя:
 «Какой по счёту?
 Трёхсотый... то ли четырёхсотый раковый...»

Вот проклятая местность!
Во всём виновата, видать, экология».

Четыре утра. Люба на табуретке очнулась
от забытья.

...Пустые белки невидящих глаз.
Трепет ресниц.
Мычание.

— Лёша?! Это — правда?

Мычание.

— Это правда? Родной! Ещё раз скажи!

Стон. Мычание.

— Ну, ещё, ещё повтори, милый!

Мычание. Стон.

Он отойдёт в седьмом.
А она не отойдёт до последней минуты,
за ним без конца повторяя
последний завет:

«Люба, люблю!
Люба, люблю!»

(Март 2009)

МАРТ. КАНУН СУББОТЫ

Свет мой, ты меня научи легко открывать
молочно-золотые страницы
берёзовой книги
над Окою
в час тишины
перед закатом

Свет мой, ты мне позволь прочитать
две или три строки — из тех,

что проводит твоё золотое перо
на прибрежных стволах ольхи
в час тишины
перед закатом

В час вечерней молитвы — хожу пред тобою,
позабыв про молитву,
по последнему снегу,
по безвестному потонувшему следу,
неразумный, потерянный,
в странной счастливой надежде

Над бегущим с откоса ручьём
женщина безмолвно внимает журчанью,
руки сложив над прекрасною ношей
восьмимесячного живота,
а у колен —
непоседа, маленький сын
щепочки, словно лодки, пускает
в дальние странствия,
по течению плещущих струй

Свет мой, ты сегодня молиться меня научи
на том языке,
на котором
совершается таинство
вашей вечерней беседы —

...женщина, ты, и журчащий ручей,
и младенец, притихший в утробе

(Март 2009)

ТИШИНА

*Мальчиком я нередко ходил сюда по грибы, и каждый раз гадал,
почему в этом месте никогда не поют птицы.
Здесь всегда стояла напряжённая, звенящая в ушах тишина.*

*Из рассказа жителя г. Медвежьегорска на месте массовых
расстрелов 1930-х годов (Карелия, 2006 г.)*

Как астматик в поту просыпается от удущья,
ты проснёшься под пятницу,
двадцатого марта,
в четвёртом часу

от тишины,
до боли звенящей в ушных перепонках.

И внезапно возьмёт за горло
такое недоумение и ужас,
что впору звать соседей на помощь
по трубам центрального отопления.

* * *

Тишина — в этом шумном доме,
среди этого города —
разве это возможно?
Тишина — в этом мире,
где озвучена каждая клетка?

...Молча дрогнет тополь на улице.
Недвижно уставился жёлтый фонарь.
Чёрно небо. И тоже молчит.
До горизонта — ни души и ни зги.
Тишина.

* * *

Тишина. Минус сто и бесконечность молчания
за оболочкой скафандра.
Тишина. На дисплее в реанимации
вздрагивает кардиограмма.
Тишина. Беззвучно движется крестик
автоматического прицела.
Тишина. Тишина.
На всей земле — тишина.

* * *

...Да, я помню, как стало вокруг удивительно тихо
за четверть часа до звезды:
как умолкло бляенье овечьего стада,
а Мария, вытянувшись на соломе,
отрешённо глядела на влажный задымленный свод.

И ещё: когда мы вчетвером
плитою насилу задвинули устье гробницы
и стояли без слов
перед совершившимся фактом

непреодолимой беды.
 Вот и тогда — не было слышно
 ни ветра, ни птицы.
 И только от тяжкой обиды
 пульс колотился в висках.

* * *

Это было давно. И я тупо сникаю
 в забытьё, чтобы через четверть часа
 пробудиться в удушье,
 как ударом кнута,
 настигнутый чувством греха
 и испугом
 новой, ещё неизведанной боли.

...В тополиных усталых руках,
 как младенец новорождённый, сияет звезда,
 и от края небес —
 до земного последнего края:

Тишина. Тишина. Тишина.

* * *

Светаёт. В нетопленной спальне,
 всхлипывая, дрожит тело княгини,
 изломавшей ногти о половицы
 Сереющий воздух утра
 разрезая гудком,
 петербургский проносится поезд
 березником, ельником,
 снегами, снегами, снегами...

(Март 2009)

НОЧНОЕ

Печальна плоть, увы, и книги надоели...

Стефан Малларме

Книги на полках сразу далёкими стали.
 И путешествий желанных, кажется, не совершить.
 И молва многомудрых собраний

в памяти мухой осенней шуршит.
 Ласки любви, словно листья, опали.
 Что же осталось?
 Остались пять веточек хризантем —
 дивных, тёмно-багряных. И хлеб на столе
 тих, как ребёнок, что спит в пеленах,
 пахуч, как увядание трав над рекой.
 И остра, как сердечная боль,
 эта радость — в утихнувшем доме ночном,
 созерцающая хлеба округлый покой,
 с багрянцем цветов в изголовье,
 вспоминать, как янтарно-медовый
 облетает каштан за окном.

(Ноябрь 2011)

БЕРЕГА В НОЯБРЕ

К этой земле между явью и сном
 стылым течением нас отнесло:
 древней ветлы перекрученный ствол
 в почву впивается словно сверло.
 Здесь коренятся высокие реки,
 здесь прорастают великие воды;
 вдоль по волокнам, где годы, где веки
 коробьями выгибает кора,
 в руслах незримые веют ветра,
 и, словно гусли, гудят времена,
 и влекут племена кораблей
 вверх по протокам ветвей.
 По берегам, по причалам раки
 острой листвой паруса шелестят,
 тёмною бронзой звенят — и звенит
 ткань, где основу серебряных струй
 стай утиной нижег уток,
 и, как челнок, улетает листок,
 в волны ныряя на полном ветру.
 Влажные капли в глубинах глазниц —
 как ноздреватые камни легки! —
 по-над телами полых цевниц
 струны натягивают колки.

Грубую песню осень поёт
елям вечерним, хмурым утрам —

О, эти плаванья вдвоём
по нашим переплетённым мирам...

(Ноябрь-декабрь 2011)

* * *

Но я ведь совсем не умею петь.
Мне и словами не рассказать.
Мне бы только молча смотреть.
Мне бы только не умирать.

В воздухе вязью пишет ольха.
Блещут в далёкой печи угольки.
Пепельной тучи вздыхают меха.
Тихий уход молчаливой Оки.

Молча являясь одна за другой,
Звёзды садятся на берегах.
Бережно тьма укрывает огонь.
Хрустко по снегу ступает нога.
Только молчи. Уходи и молчи.
Белой тропой между чёрных стволов,
Туда, где незрячие льются ключи,
Где ночь в тайниках уложила лучи,
Идешь и молчишь. Идешь и молчишь,
На чёрном читая сетчаткой зрачков.

(Декабрь 2011)

ВЕЧЕРЯ НА ХОЛМАХ

Вечеря на холмах, в потаённой светлице:
приобщение плоти и крови — с полевой клубникой пречистого
хлеба,
восковою свечою сочится
внизу, разливаясь, река.
голубиные крылья простёрли в полнеба
облака, пернатые облака.

А у Сударя Батюшки трапеза устлана льнами, шелками,
 блещет неба начищенный медный кумган.
 Над Тарусой, над Серпуховым, над берегами,
 над борами-лесами туман
 скоро даль заколотит синими досками,
 чтоб не заглядывал в щелку
 алый сторожкий глаз...
 В струях шелковых плещут огнистые блёстки.
 Над Окой корабельный ударил колокол.
 Гулко на воду пал двенадцатый час,
 час торжественный, величальный:
 понеже богатого гостя
 перезвонами встречает земля —
 батюшку Саваофа, пренебесного Господа,
 с Богородицей голубинога корабля.
 Тёмный бархат кареты, шестёркою белые кони.
 Половицами теней скрипя, Царь восходит в соборы лугов:
 ставьте ж, верные други, медовыми чашами донник,
 блюда ситника, подносы овсяничных пирогов,
 самовары красные жаркого иван-чаю,
 леденцы тимофеевки, с жжёным сахаром рыжей хвои,
 сливки таволги белой с парным молочаем,
 мятны пряники с маковыми калачами —
 пусть до пота насытятся, напьются бояре мои.
 А когда, как полночные стёкла, угаснут остывшие воды,
 зашумят, словно ветер меж яблоневых ветвей,
 зазвонят метелью белой Божии хороводы
 в запрокинутых к небу глазницах земли моей.

(Июнь 2012)

В стихотворении «Вечеря на холмах» использованы образы и мотивы из песен секты «Людей Божиих» (в просторечии — хлыстов). Лучшее собрание этих песен XVIII — XIX вв. опубликовано П. И. Мельниковым (Печерским) в «Чтениях императорского общества истории и древностей российских» за 1870-е годы.